

Василий Головачев

Владыки

Василий Головачев

Владыки

«ЭКСМО»

1978

Головачев В. В.

Владыки / В. В. Головачев — «Эксмо», 1978

«Автоматические видеокамеры высокой капсулы метеопатруля, обозревающие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроноквантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль светящегося тумана, пролилась по стенам на землю, и покатился кольцевой вал голубого пламени по лесу, оставляя за собой выжженную, спекшуюся от небывалого жара лесную почву...»

© Головачев В. В., 1978

© Эксмо, 1978

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Василий Головачев

Владыки

Автоматические видеокamеры высокой капсулы метеопатруля, обзревающие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроно-квантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль светящегося тумана, пролилась по стенам на землю, и покотился кольцевой вал голубого пламени по лесу, оставляя за собой выжженную, спекшуюся от небывалого жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десятки километров вокруг, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно – стены будто покрыли белой светящейся краской, провалы же окон в них были черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров. Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса пришла неестественная тишина...

Запись кончилась.

Ромашин посмотрел на собеседника.

Павел Жданов сидел совершенно неподвижно, в устремленных на выключенный проектор желтых глазах читалось непробиваемое спокойствие.

Он был высок, благодаря развитой мускулатуре выглядел массивным, форму инспектора носил с подчеркнутым щегольством. Лицо его казалось несколько замкнутым, лишенным мимики, – Ромашин отнес это на счет долгой работы в пространстве, вне больших человеческих коллективов.

– Управление¹ из-за этого переведено на режим бедствия? – Павел кивнул на проектор.

– Да, – подтвердил Ромашин. – Хотя внешне масштабы катастрофы не впечатляют.

– Прошу прощения, но мне не очень ясно, почему вызвали именно меня. Разве у земного сектора мало специалистов нужного профиля?

Павел удивлялся не зря. Он был инспектором безопасности дальних космических экспедиций, а Игнат Ромашин возглавлял отдел безопасности научных исследований УАСС Земли – служба одна, но разные направления, объекты, задачи. И вдруг Павла вызывают в Центр, отстраняют от прежней работы и приглашают в наземный сектор...

– Попробую объяснить. – Ромашин изменил позу, на миг задумался, не отводя глаз. – Во-первых, у вас за плечами десятилетний стаж работы в космосе, а космос воспитывает в человеке умение мыслить раскованно, не стандартно, не стереотипно. Во-вторых, по образованию вы физик, что немаловажно; в-третьих, незаурядный спортсмен. Есть и в-четвертых, но об этом поговорим отдельно.

– Звучит интригующе.

– Увы, я вынужден говорить туманно, особенно в той части, что касается выбора вашей кандидатуры. Вернемся к главному. Я введу вас в курс дела, дам связь, код выдачи информации. Будете работать по своим планам и своими методами. Сразу отмечу, параллельно с вами будут работать и уже работают другие группы нашего отдела. Пусть это вас не смущает, дублирование неизбежно – положение дел требует исключительных мер, которых не знает пока

¹ Управление аварийно-спасательной службы (УАСС)

никто... Главными консультантами для вас будут Атанас Златков, бывший заведующий лабораторией времени, и инженер-хрономеханик Игорь Марич, непосредственный участник эксперимента. Он – единственный, – Ромашин снова изучающе взглянул в глаза Павла, – кто остался жив из персонала лаборатории. Вы видели, как *это* произошло. Последствия катастрофы плачевны. Повреждена орбитальная станция дальнего обнаружения – она в момент эксперимента проходила над лабораторией. Вокруг башни хроноквантового ускорителя, мы называем ее Стволом, лес и все остальное уничтожено в радиусе двадцати километров. Нарушен тепловой баланс региона. К Стволу подойти невозможно из-за «хронопены» – темпоральных эффектов. Здание лаборатории уцелело, однако и в него проникнуть никому до сих пор не удалось.

Ромашин замолчал. Павел, помолчав тоже, проговорил:

– Извините, но я все же не понимаю, чем вызван режим бедствия. Эксперимент не удался, произошла катастрофа, нужно провести расследование причин, устранить последствия... так? Обычная формула работы линейных отделов Управления. Где здесь работа для безопасников?

– Эксперимент не просто не удался, он вышел из-под контроля! Хроноген – генератор реакции хронораспада – «провалился» в прошлое на сотни миллионов, а может быть, и на миллиарды лет, но главная беда в том, что Ствол неустойчив, колеблется во времени. Возможно, генератор продолжает работать и уходит все глубже в прошлое. К чему это может привести, неизвестно. Ваша задача – выяснить степень вины самих участников эксперимента.

Павел безмолвно переваривал сказанное, у него уже скопилось немало попутных вопросов по мере того, как собеседник продолжал рассказ, но высказывать их вслух было преждевременно.

– Запишите код информационного канала нашего отдела. – Ромашин продиктовал семизначное число. – Вопросы ко мне есть?

– Могу я начать работу сегодня?

– Можете, я только что хотел просить вас об этом. Ваш кабинет рядом, комната двести семь...

Пройдя к себе и осмотревшись, Павел сделал вывод, что кабинеты любой организации стандартны до тех пор, пока не приобретут отпечаток личности владельца. В этом работал, очевидно, кто-то назидательно-угрюмый, пожилой, любящий порядок и дисциплину. Эдакий педантичный зануда с лысиной в полчерепа.

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде чем сделать – подумай!», на втором – пункт номер тринадцать Инструкции УАСС, именуемый в просторечии «СРАМ» – «сведение риска к абсолютному минимуму». Интересно было бы взглянуть на прежнего хозяина кабинета, неужели у них в отделе есть такие личности? Впрочем, хозяином мог быть и новичок, стажер, заучивающий инструкцию наизусть.

Павел заглянул в кабину таймфага: пусто, чисто, на стенке карта станций выхода, на другой – крохотная панель с одним-единственным индикатором и сенсором включения, игла указателя перемещения. Вставляешь иглу в гнездо на карте, дуешь на сенсор, и ты – за тысячу километров отсюда, или за миллион, а то и за сто световых лет...

Павел сел за лупы координатора, посмотрел на часы и повернул ключ подачи питания.

С высоты в пять километров колонна хроноускорителя выглядела блестящей белой трубой, из которой струилось марево нагретого воздуха. Труба торчала посреди черной холмистой равнины, рассеченной надвое голубоватым лезвием реки. На равнине кое-где в низинках сохранились останки деревьев, обугленные пни, угрюмо отблескивали перламутровой глазурью оплавленные остовы зданий. Пятиэтажный куб лаборатории у стены Ствола выделялся на черно-сером фоне неестественной фарфорово-снежной белизной.

– Эра Больших и Могучих Дел... – пробормотал сосед Павла.

Инспектор покосился на него. Среднего роста, жилист, малоразговорчив, лицо жесткое, в оспинах мелких шрамов, глаза темно-карие, почти черные, зеркало природы волевой и уверенной в себе. Инженер-хрономеханик Игорь Марич. Впечатление такое, будто его неотступно гложет какая-то мысль.

Их познакомил в кабинете Павла Ромашин, и они сразу направились к месту происшествия: до Брянска таймфагом, оттуда в район катастрофы на патрульном куттере.

На панели управления мигнул желтый огонек, звякнул сигнал вызова. Марич, сидевший на месте пилота, тронул сенсор связи.

– Контроль-два, – раздался в кабине грассирующий баритон. – Борт-икс, вы находитесь в зоне работы аварийно-спасательной службы. Ответьте на волне «триста».

– Все в порядке, второй, – ответил Марич в желудь микрофона над плечом куртки. – Машина инспектора Жданова, отдел «Б».

– Включите автоответчик, иначе вас будут запрашивать каждую минуту. Спокойной работы.

Марич выжидательно посмотрел на Павла. Пора действовать, понял тот и предложил:

– Сядем поближе к зданию лаборатории.

– Ближе чем на два километра не подойти. Вокруг Стола установлен защитный барьер – «во избежание»...

– Тогда – у барьера.

Куттер плавно заскользил вниз.

– Лаборатория снабжалась энергией централизованно, через земную энергосеть, – спросил Павел, – или имела собственный реактор?

– И то, и другое. – Марич говорил отрывисто, хрипловато и негромко. – Реактор вмонтирован в Ствол на двадцатом горизонте – стандартный кварк-кессон. Мощности его хватало только на поддержание резонанса в ускорителе. Но Ствол сейчас излучает в два раза больше энергии, чем может дать реактор. Внутренних источников ускоритель больше не имеет, внешние отключены, значит, откуда-то идет подпитка.

Куттер бесшумно спланировал на вершину невысокого холма, покрытого коричневой губчатой массой, похожей на пемзу.

– Вы хотите сказать, что Ствол откуда-то выкачивает энергию скрытно?

– Выкачивает, но не в нашем времени! Если эксперимент удался, то Ствол превратился в канал, соединивший наше время с прошедшими эпохами. Выходить будем?

– Пожалуй, на минуту. Потом познакомите с Центром.

Из отчета Павел узнал, что управлением аварийно-спасательной службы создан специальный пояс защиты вокруг лаборатории. Пояс включал в себя посты наблюдения и контроля за пространством, передвижные генераторы силовых полей, излучатели антиматерии, сейсмостанции, установки зондирования горных пород, локаторы и другую технику. Управлял всем сложным комплексом защиты Центр, начальником которого был назначен Атанас Златков, доктор хронофизики, бывший завлаб.

Марич вылез из кабины и прошелся по голой поверхности холма, разминаясь. Из-под его ног при каждом шаге всплывали облачка желто-коричневой пыли. Павел выбрался следом.

– Расскажите о цепи эксперимента. В отчете описаны его последствия. Вы ведь находились тогда в лаборатории?

Марич отрицательно качнул головой.

– Я был под нею – в бункере независимой аппаратуры. Бункер имеет отдельный выход, который сейчас разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

– Физик, специальность – нелинейные эффекты единого поля.

– Тогда упрощать не буду. Вам, как специалисту, должно быть известно, что путешествие во времени невозможно без перемещения в пространстве. Земля вращается и движется вокруг

Солнца со скоростью тридцать километров в секунду. Солнечная система перемещается в пространстве со скоростью двести километров в секунду. Двигается Галактика в межгалактическом вакууме, не стоит на месте скопление галактик... Короче, чтобы попасть хотя бы в прошлый миг и в ту же точку, необходимо с небывалой точностью рассчитать, где была Земля в то мгновение, и лишь тогда пробивать скважину во времени. Но мы обошли это препятствие тем, что вели самофокусировку хроноскважины.

– И на время эксперимента канал скважины сохраняется?

– Вы хорошо схватываете суть. В ходе эксперимента «стволом временного пробоя» связываются все миллионы Земель различных эпох.

– Что же произошло?

– Мы решили уйти в прошлое на глубину в пять миллиардов лет, и моменту образования Земли. – Марич нахмурился. – Но хроноген почему-то глубже одного миллиарда не шел, несмотря на увеличение мощности пробоя. Он словно напоролся на слой времени повышенной твердости. И тогда возникла идея применить направленную реакцию хронораспада.

– После чего и произошла катастрофа?

– Не знаю. Раз двадцать мы запускали хроноускоритель без ощутимых результатов. На двадцать первый...

– Понятно. Ну, а что послужило причиной катастрофы?

– Не люблю гипотез. Я не теоретик, а инженер-механик. Практик, занимающийся аппаратурой. Вам лучше поговорить со Златковым.

– А все же? Разве у вас нет своего мнения?

– Считаю, что хроноген ни при чем, – сухо проговорил Марич. – Башня ускорителя снизу доверху напичкана системами безопасности и контроля, автоматически прекращающими эксперимент при малейшей опасности. Нет, я не знаю, что случилось.

– Что же, – вздохнул Павел, – и на том спасибо.

Он достал бинокль и принялся рассматривать белоснежное здание лаборатории с черными провалами окон. Казалось, все помещения заполнены странным черным дымом.

Вдруг из-за здания выпрыгнуло круглое черное пятно и стремительно помчалось к близкой белой стене Ствола. Павел разглядел паукообразное существо с длинными суставчатыми ногами, двумя парами глаз, глянцевитым эллипсоидом тела. Поглядывавший на инспектора Марич вскинул к глазам свой бинокль.

– Конкистадор, – пробормотал он через минуту. – Автомат обслуживания ускорителя и оборудования лаборатории. Вполне самостоятелен, дитя второго поколения «мыслящих» автоматов.

Павел повел окулярами в сторону, в километре обнаружил ряд черных труб, направленных на белую башню хроноускорителя, и повернулся к ним спиной.

– Поехали. Центр далеко отсюда?

– Почти под нами.

Центр пояса защиты представлял собой подземный бункер с энергохозяйством и собственной универсальной вычислительной машиной. Зал управления и контроля площадью в триста квадратных метров был занят низкими пультами автоматического монитора защиты, аппаратуры наблюдения, контроля параметров среды, связи и передачи информации. Стены зала служили экранами комбайнов оперативной связи и наблюдения, на один из них был выведен объемный геологический разрез до километра глубиной того участка, где стоял Ствол: на фоне коричнево-черных пластов с вкраплениями красных, оранжевых и желтых полос и трещин – голубоватая круглая колонна, постепенно растворяющаяся в породах равнины на глубине в двести метров.

Атанас Златков сидел в кресле возле одного из пультов, на рукаве его плотной рубашки выделялся алый ромб с маленьким серебряным сфинксом. Это был крупный смуглый мужчина с шапкой блестящих черных волос, медлительный и, как показалось Павлу, несколько апатичный.

– Вы далеко не первый, кто просит меня объяснить причины катастрофы, – сказал он в ответ на вопрос инспектора. – Но специалисты вашего ведомства не любят иметь дело с домыслами, им подавай факты, не так ли?

– В общем верно, – согласился Павел. – Вы хотите сказать, что факты, известные вам, в равной мере известны всем остальным, а новых не прибавилась. Угадал?

Златков с проснувшимся интересом окинул Павла взглядом.

– Профессиональная интуиция? Впрочем, неважно, новых фактов у меня в самом деле нет. – Он нахмурился. – Самый страшный из фактов – гибель коллег! А я вот уцелел... и Маричу повезло, – кивок в сторону инженера, устроившегося в кресле перед экраном. – Двое из всего персонала!

Павел промолчал. Трагедия была настолько свежа в памяти этого человека, что любой вопрос о лаборатории воскрешал события и бередил душевную рану. Но не спрашивать инспектор не мог.

– Хорошо. Если вам это необходимо, я выскажу свои предположения. – Златков заговорил быстро, с солидной долей злости. – Связи с лабораторией нет, внутрь пробиться до сих пор не удастся. Обычные жестко запрограммированные киберы просто не возвращаются, а конкистадоры не хотят подходить к зданию даже на сто метров. Знаете, что такое конкистадор?

Павел вспомнил биомеханического «паука» и кивнул.

– Странное название для кибера.

– Так их назвал сам конструктор – Фелипе Мендоса. Вероятно, из-за того, что предназначались они специально для нашей лаборатории и первыми должны были «завоевать» время. – Златков задумался, хмуря густые широкие брови, нервно побарабанил пальцами по панели пульта. – В результате эксперимента оказались связанными хроноскважиной различные временные эпохи в разных точках пространства. По моим подсчетам. Ствол соединил не менее трех десятков эпох с промежутками в сотни тысяч и сотни миллионов лет. Сам хроноген вероятнее всего «провалился» глубже пяти миллиардов лет в историю Земли и не вышел из резонанса. С большим трудом мы получаем информацию о точках выхода Ствола на поверхности Земли, но помочь конкистадорам не в силах, им приходится самим удерживать Ствол на грани полного распада. Если бы не они...

– Мне говорили, – кивнул Павел. – Произошла бы цепная реакция хронораспада.

– Мы посылаем конкистадоров в Ствол сотнями, возвращаются единицы, да и те почти без памяти. Вероятно, выход из Ствола в реальное время стирает информацию на молекулярном и атомарном уровнях. Мы, конечно, ищем способы проникновения в Ствол человека, но задача исключительно сложна, необходимы опыты на животных, и нужен доброволец, который спустился бы «вниз» по Стволу и отключил генератор... – Златков покачал головой, чуть поморщился и снова надолго задумался. Павел терпеливо ждал, посматривая на экраны, показывающие пейзажи вокруг Ствола.

– Собственно, это все, что я могу сообщить, – с неохотой проговорил Златков, очнувшись от своих размышлений. – Наука о времени не дает однозначных ответов, а предлагает несколько вариантов с разной вероятностью. Коллеги-хронофизики более осторожны в выводах, но они не знают того, что знаю я о работе хроноускорителя. А я... боюсь, что генератор хронораспада «провалился» так глубоко, что нам его уже не достать. Понимаете, на чем висит человечество?

Павел вдруг почувствовал мимолетную неприязнь к этому человеку, ответственному за безопасность не только отдельного коллектива, но и, может быть, всего рода людского на Земле.

– Если ваши эксперименты со временем так опасны, – тихо произнес он, – то почему вы не объявили мораторий на их проведение?

– Прежде чем экспериментировать, ученые создали теорию хронопрокола, или, если хотите, «бурения времени». И до последнего опыта теория и практика сходились даже в деталях, так что ни о каком моратории речь не шла. Кстати, за нашей работой пристально следил СЭЖОН², а эта организация, как известно, применяет свои особые полномочия весьма успешно.

– Простите, я поторопился с выводами. И все же, несмотря на расчеты, контроль и прогнозы, катастрофа произошла. Подвела техника, наука, теория? Халатность конкретного человека?

– Ни то, ни другое, ни третье. Я занимаюсь хронофизикой уже сорок лет, хроноускоритель – мое детище... – Златков махнул рукой, успокаиваясь.

– Вам это не нужно. Моя уверенность зиждется не только на интуиции, но и на фундаменте фактов, пусть недостаточно мощном. Катастрофа не должна была случиться. Некоторые странности натолкнули меня на мысль, что в эксперимент вмешался кто-то чужой... Но об этом мы поговорим в другой раз. Извините, меня ждут. – Начальник Центра поднялся. – Марич в курсе всех событий в лаборатории, в качестве гида он незаменим.

Златков опустил голову и отошел.

– Неужели вы заставили его задуматься о чем-то еще, кроме науки? – с уважением спросил незаметно подошедший Марич. – Мало кому это удастся.

– За что вы его не любите?

– Не любите – слишком громко сказано... Скорее, мне его жаль. Он теоретик в кубе, для него существует прежде всего наука, его драгоценные, сверхоригинальные идеи, а потом все остальное.

Павел промолчал. По его мнению, Златков искренне скорбел о гибели сотрудников; что касается его качеств – спешить с выводами не стоило.

Инспектор прокрутил в памяти разговор с начальником Центра защиты. Больше всего его насторожила брошенная вскользь фраза о вмешательстве в эксперимент «кого-то чужого». Неужели такое возможно? Но кто мог вмешаться? По данным косморазведки в Рукаве Ориона – звездном рукаве Галактики, к которому относится и Солнце, – нет цивилизаций, достигших уровня земной. Но, может, такие цивилизации были в прошлом?..

Павел присел на свободный стул у стены зала, соображая, чем заняться в первую очередь. Ему надо было ознакомиться с отчетом об экспериментах лаборатории, начиная с момента пуска хроноускорителя, проанализировать рост энергозатрат, запросить характеристики сотрудников, а также собрать данные наблюдений за Стволом, параметры среды вокруг него, информацию о конкистадорах. Кроме того, следовало составить сводку странных фактов о работе ускорителя до катастрофы и после. И все это за один день.

«Паук» не убегал, смотрел на Павла прозрачно-желтыми линзами размером с детскую ладонь, задумчиво шевелил двумя парами передних лап и словно прислушивался к словам человека.

– Иди сюда, дурачок, – ласково повторил Павел. – Не бойся, ничего плохого тебе не сделают.

Стоявший рядом инженер Центра Полуянов усмехнулся в усы.

– Не пойдет. Эвристограммы и память у него, очевидно, стерты, работают только узлы механоинстинктов. Он не убежит, но и не подойдет. Придется оглушать радиовсплеском.

² СЭЖОН – отдел социального и этического контроля за опасными исследованиями в рамках Высшего Координационного Совета

Они стояли в трех километрах от белой колонны Ствола в низинке между двумя полными холмами. По дну низинки стлался ручей с рыжей водой, кое-где на склонах сквозь корку такыра проклюнулись зеленые стрелки травы: жизнь понемногу возвращалась на черно-коричневый полигон смерти. Оба – инженер и Павел – были в прозрачных пленочных скафандрах, перепоясанных ремнями антигравов.

Полуянов достал сетчатый карандаш радиомаяка.

– Дорогой ты мой, хорошо, что сумел вырваться оттуда. За сей подвиг мы попробуем тебя подлечить, дружище.

Всплеск радиоизлучения заставил конкистадора подскочить вверх на добрых два метра и рухнуть недвижимой массой.

Они подхватили сорокакилограммового «паука», запеленали в пластиковый мешок и упрятали в багажник поджидавшего куттера.

– Вези в лабораторию, Боря, – сказал инженер пилоту. – Мы вернемся на своей малой тяге.

Павел посмотрел на часы: с момента сигнала наблюдателя о выходе из Ствола конкистадора прошло чуть более сорока минут.

Они достали бинокли и принялись рассматривать Ствол.

– Вы пробовали подойти к стене, взять пробы?

– Анализы можно сделать и на расстоянии. А человеку к стене Ствола в обычном скафандре не подойти – сработала базисная система безопасности ускорителя.

– Что это значит?

– При автоматических запусках ускоритель уходит в прошлое без людей, и чтобы не подпустить к нему наших хвостатых и бесхвостых предков, а также другую любознательную фауну, в Ствол вмонтирован контур гипноиндуктора. При приближении к ускорителю всему живому внушается одна из самых простых деадаптирующих реакций: страх.

– И много таких систем безопасности?

– Три. Первая – сигнальная, это обычные предупреждающие световые и радиосигналы. Вторая – гипноиндукция, третья – инфразвуковая, отпугивающая. Пошли отсюда, сейчас будет коррекция.

Не успели они пролететь и сотни метров, как Ствол вдруг поглубел, потерял монолитную плотность скалы, стал водянистым, полупрозрачным. Гулкий удар прокатился над холмами, и тотчас же со всех сторон в Ствол вонзились огненно-зеленые стрелы, оставив после себя шлейфы изумрудных искр. Раздалось ядовитое шипение, перекрывшее все остальные звуки. Вторая волна зеленых молний с шипением и свистом накрыла Ствол. С холмов сдуло пыль, словно под ударами исполинских плетей.

Павел заметил, что огненные стрелы вылетали из черных труб, с угрозой глядевших в сторону Ствола.

Шипение и свист стихли, на землю легла удивительная, неестественная тишина. Она угнетала, внушала тревогу, противоречила здравому смыслу, потому что могла существовать только в вакууме, где нечему передавать звук.

Полуянов махнул рукой вперед. Павел устремился за ним.

Через минуту они выскочили из «мешка» тишины: в ушах словно лопнула пленка, не пропускавшая звуки, и стали слышны шорохи, посвисты ветра, далекие удары гонга, бормотание громкоговорителей, шумы каких-то машин.

– После разряда хронооптимизаторов – тех черных труб – в зоне вокруг Ствола на полчаса образуется область «белого шума», – пояснил инженер. – Молекулы воздуха «вибрируют» по закону Фрактали, звуки в этой области гаснут мгновенно.

Они опустились у холма, в склон которого были врезаны двери Центра защиты.

Полуянов поднял руку, прощаясь. Павел снял скафандр и направился в зал контроля, где его должен был ждать Марич.

В зале раздавались негромкие голоса операторов связи, наблюдателей, специалистов разных отделов Академии наук. Златкова не было.

Павел пожал холодную руку хроноинженера. Марич выглядел уравновешенно-угрюмым, у него были красные глаза, словно он всю ночь читал.

– Ну что? – спросил он рассеянно. – Есть новости?

Инспектор на вопрос не ответил. В обычной для него обстановке в космосе он действовал методом отождествления себя с виновником аварии или катастрофы, проходя этап предварительных размышлений в темпе погони, основываясь больше на интуиции, точно угадывая доминантные стороны характеров людей. Но в тех случаях были живы свидетели катастрофы, а то и сам виновник. Случай с лабораторией времени отличался от остальных тем, что из ее сотрудников уцелел только Игорь Марич, не сохранилось ни записи эксперимента, ни упоминаний о его задачах и масштабах, ни каких-либо документов, могущих пролить свет на тайну катастрофы.

– Хотелось бы уточнить следующее, – сказал Павел. – У погибших сотрудников лаборатории остались друзья, которые, возможно, что-то могут рассказать о их поведении, настроении, передать последние разговоры перед катастрофой. Кроме того, интересны их высказывания о новых явлениях, друг о друге. А еще меня интересует техника защиты от «хронопены». Можете дать консультацию?

Марич оценивающе посмотрел на Павла.

– Приходите завтра сюда к десяти, я вас проконсультирую.

В тоне инженера проскользнули насмешливые нотки, но Павел не придал этому значения.

В Управлении он встретился с Ромашиним.

– Наши специалисты в техсекторе уже занимаются скафандрами, – сказал начальник отдела. – Зайдите, поинтересуйтесь. Решение, кстати, уже найдено.

– Комплекты противоядерной защиты?

– Нет, противоядерные коконы в условиях «вспененного времени» не годятся, а капсулы высшей биологической защиты слишком громоздки, в здание лаборатории в них не пройти. По заданиям пятидневной давности техсектор создает спецкостюм, через пару дней он будет готов, я узнавал.

– Прекрасно, зайду обязательно.

В своем кабинете Павел переоделся, но когда собрался уходить, позвонил Марич:

– Какие у вас виды на вечер?

– Никаких, – честно признался Павел.

– Тогда жду в Центре у прибористов. Хочу предложить небольшую прогулку к Стволу. Не возражаете?

Павел поразмышлял немного, отражая слабый протест расслабленного тела.

– Ждите.

Спустя полчаса он отыскал Марича в недрах лаборатории Полуянова одетым в обычный пленочный скафандр, но с какой-то ажурной антенной, обнимавшей шлем. Инженер протянул увесистый пакет второго скафандра.

– Наденьте на всякий случай, от линий защиты ускорителя он защищает неплохо.

В двенадцатом часу ночи они выбрались из-под земли на склон холма. Ствол был освещен со всех сторон прожекторами и сиял так, что долго смотреть на него было невозможно.

Спустившись в низину с ручьем, перешли его вброд, с полкилометра шли ровным полем. Павел посматривал на молча шагавшего инженера, но вопросов не задавал.

Их трижды окликнули по радио дежурные наблюдатели, пока не вмешался сам Павел. Тогда их оставили в покое.

До куба лаборатории оставалось еще около полукилометра, когда они подошли к яме с уходящими вглубь ступеньками.

– Здесь я вышел... когда очнулся после того, что произошло. – Марич говорил глухо, сквозь зубы.

– Это вход?.. – осторожно начал Павел.

– В бункер независимой аппаратуры. И не вход, а запасной аварийный выход. Я уже пробовал пройти туда с конкистадором, да и не я один, но мы кое-чего не учитывали. Попробуем еще раз вместе?

Павел на мгновение растерялся, он не был готов к несанкционированному штурму лаборатории, но колебался недолго, чутко ощущая напряжение партнера.

– Идем. Что у вас есть кроме фонаря?

– «Универсал» и батарея спецснаряжения, как и положено разведчику. У вас в поясе такая же. Я пойду первым, прикрывайте тылы и следите за каждым моим жестом. Вполне возможно, что придется драпать без оглядки. «Хронопена» – очень скверная штука. Если оно прорвется в тоннель...

Не обращая внимания на высветившуюся в воздухе очередь алых букв: «Вход запрещен! Опасно для жизни!» – Марич включил фонарь и полез вниз.

Павел кинул взгляд на сияющую гору Ствола, скрепя сердце шагнул на ступеньку из черного базилита.

Метров сорок они преодолели без труда: здесь уже поработали роботы, подрасчистили завалы и выровняли пол, но потом ход сузился из-за вспучившихся стен, потолок прогнулся так, что местами приходилось чуть ли не вставать на четвереньки. И наконец дорогу, преградила металлическая на вид стенка с листком обычного пласт-папира: «Впереди опасная зона! Кто пойдет дальше – пеняй на себя!»

Марич хмыкнул, сорвал листок, скомкал и выбросил. Оглянулся. Лицо у него было какое-то обостренное, веселое и злое одновременно.

– Дальше действительно опасная зона, опасная прежде всего неизвестными хроноэффектами. До сих пор удивляюсь, как я ее прошел, когда выбирался из бункера. Кстати, до него всего метров триста. Но я недаром взял «универсал». – Марич снял с пояса пистолет. – Я выяснил у знакомых физиков, что «хронопена» боится энергоразряда. Сейчас проверим их гипотезы практически.

Павел молчал. Он не был трусом, но и рисковать любил с открытыми глазами, рассчитав последствия рискованного шага и максимально собрав информацию о препятствии. В данном случае он оказался в глупом положении, с самого начала поддавшись энергичной уверенности инженера в правильности своих действий.

Марич посчитал молчание Павла за согласие и разблокировал дверь. Казавшаяся металлической перегородка исчезла, оставив вместо себя пылающую алую надпись: «Стоять! Опасно для жизни! Проход запрещен!». За перегородкой шел узкий тоннель, одетый в броневой каркас, весь оплетенный паутиной, так что уже в десятке метров все тонуло в белесом туманном мерцании.

Инженер поднял пистолет, проговорил: «Оплели тут все, паршивцы, пройти невозможно!» – и выстрелил. Сверкнуло фиолетово-голубое пламя разряда, в то же мгновение тоннель изогнулся, как живой, в грудь шибануло раскаленным ветром, Павла подхватила неведомая сила и с размаху шмякнула обо что-то упруго-неподатливое...

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на холме, прислоненный к глыбе гранита, а рядом сидит Марич с лицом старика. Он заметил движение инспектора и улыбнулся криво, словно извиняясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.